

*Посвящается
Ее Королевскому Высочеству,
Герцогине Корнуолльской,
«самой большой поклоннице
Саймона Серрэйлера»*

ПРОЛОГ

Очень долго вокруг была только чернота, и у черноты не было ни формы, ни очертаний. Но потом мягкая туманная серость начала проступать по краям черного, и вскоре возникли образы, которые сменялись очень быстро, как на страницах детской книжки с движущимися картинками. Сначала он не мог уловить их или отличить один от другого, но постепенно движение замедлилось, и он начал различать лица, части тел — руку, большой палец, затылок. Волосы. Образы начали пульсировать, сдуваться и набухать, как бьющееся сердце, лица смешивались, сливались и снова разделялись, один или пару раз они лукаво улыбнулись ему, а еще тихо смеялись сквозь выбитые зубы. Он пытался отвернуться или поднять руку, чтобы прикрыть глаза, но словно окоченел, его кисть была холодной и тяжелой, как кусок мяса, который только что достали из морозилки. Он не знал, как ею пошевелить.

Лица распались на фрагменты и начали неконтролируемо крутиться, и он смотрел на этот вихрь сверху вниз.

Вспышка света. Внутри вспышки — миллион сверкающих острых иголок. Еще одна вспышка. Иголки растворились.

Саймон Серрэйлер открыл глаза.

Удивительно, насколько быстро мир приобрел свои привычные очертания.

— Какой сейчас день?

— Четверг. Сейчас двадцать минут шестого. — Сестра повернулась к нему, отвлекшись от капельницы, которую поправляла.

— Когда я очнулся?

— Вчера утром.

— В среду.

— А вы молодец. Как вы себя чувствуете?

— Сложно сказать.

— Боли есть?

Он задумался. Он повернул голову и увидел бледный четырехугольник неба. Крышу здания с карнизом по краям. Кажется, ничего не болело, но в левой руке и шее чувствовалась какая-то странная тяжесть. Остальные части его тела существовали как будто отдельно. Но это была не боль. Он помнил боль.

— Вроде бы все в порядке.

— Это хорошо. Вы молодец, — снова сказала она, как будто ей нужно было убедить его в этом.

— Да? Я в этом не уверен.

— Вы знаете, где вы?

— Не уверен. Может, в больнице?

— В точку. Вы в отделении интенсивной терапии Чаринг-Кросс, а я медсестра. Боннингтон. Меган.

— Ближайшая больница не Чаринг-Кросс... это... я не помню.

— Вы в Западном Лондоне.

Он позволил ее словам медленно осесть в сознании, и их смысл стал для него отчетливей. Он знал, где это — Западный Лондон, он однажды работал констеблем где-то в Западном Лондоне.

— Вы помните что-нибудь из того, что случилось?

Возникла вспышка. Части тела. Рука. Большой палец. Мертвый рот, сломанные зубы. Она погасла.

— Нет, кажется, нет.

— Не важно. Это совершенно нормально. Не надо истязать свой мозг, пытаюсь что-то вспомнить.

— Не уверен, что у меня есть мозг.

Она улыбнулась.

— Мне кажется, что есть. Давайте я поправлю подушки, устроим вас чуть-чуть поудобнее. Вы можете сесть?

Он понятия не имел, как ему может удаться что-то такое сделать, но она, кажется, приподняла его, слегка наклонила вперед на одной руке, взбила подушки, разгладила простыню и вернула на место без особых усилий. Он заметил, что весь был в трубках и проводах, прикрепленных к нему и ведущих к машинам, мониторам и капельницам, и что его левая рука лежала на своего рода подъемнике. Он посмотрел на нее. Бинты, длинный рукав из бинтов, доходящий до локтя и выше.

— Болит?

— Нет. Она как будто бы... никакая.

— Онемевшая?

— Не совсем. Просто... Не могу объяснить.

— Не стоит волноваться. Консультирующий врач придет посмотреть вас сегодня вечером.

— Кто он?

— Мистер Флинт. А Доктор Ло — старший ординатор. Он присматривал за вами последние пару дней. Но мы все одна команда.

— При мне целая команда?

— О, да, именно так, Саймон. Ничего, если я буду называть вас Саймон? Мы всегда спрашиваем, знаете, но вы были не в том состоянии, чтобы ответить. Как вы предпочитаете? Мистер Серрэйлер? Суперинтендант? Старший суперинтендант?

— О Господи, нет. Саймон — в самый раз.

Дверь слегка приоткрылась.

— К вам посетитель, так что я вас оставлю. Вот тут кнопка вызова, у вашей правой руки. Нажмите, если что-нибудь понадобится.

— Ну привет. — Кэт нагнулась и поцеловала его в щеку. — Ты снова проснулся.

— А сколько я спал?

— Большую часть последних трех недель.

— Недель? И давно это прекратилось?

— Вчера. Ты помнишь, что я была здесь?

Он попытался разобраться в спутанной куче картинок у себя в голове.

— Я не... Нет.

Он мельком увидел встревоженный взгляд своей сестры, который она быстро спрятала.

— Мне сказали, что скоро придет консультирующий врач. Ты знаешь, что у меня есть собственная «команда»? Ты в ней?

Она улыбнулась.

— Ты принесла мне винограда?

— Нет. Но тебе же на самом деле не виноград нужен, да?

— Мне нужно узнать, что случилось и почему я здесь. Поговори со мной.

— Слушай, Сай, ты должен узнать все, но я не тот человек, который сможет рассказать тебе всю историю целиком, потому что меня там не было. Завтра снова приезжает Кирон, и, если ты думаешь, что готов выслушать, он расскажет тебе.

— Шеф был здесь?

— Конечно, был. Он привез меня в тот день, когда это случилось, и с тех пор приезжал сюда несколько раз — как только находил время, — и я коротко вводила его в курс дела каждый день.

— Серьезно? Почему ты?

— Потому что я была здесь практически каждый день и разговаривала с медиками, так что могла переводить для него медицинский жаргон.

— Нет, я имею в виду... Я не понимаю, как вы вообще с ним познакомились.

— Он стал опорой, Сай... Когда больше некому было меня здесь поддержать.

— О.

— Не надо «о».

Он попытался прочесть выражение на ее лице, но не мог на нем сконцентрироваться, потому что о себе дала знать боль в левой руке, которая становилась сильнее с каждой секундой. Она мощными волнами катилась по его плечу, отдаваясь в груди, а потом разливалась вниз

и вверх по всему телу, как будто резала ножом и рвала клещами.

— Сай?

— Господи! — Он посмотрел на все эти бинты и на подъемник, который держал его руку. Если бы они горели, он бы не удивился. Ощущение было именно такое.

Кэт вскочила на ноги.

— Все нормально. Сейчас я разберусь... подожди.

Она не возвращалась час. Ночь. Весь остаток его жизни. Его по рукам и ногам сковала боль, и думать он мог только о боли. Он слышал собственный крик — настолько громкий, что он боялся, как бы они не пришли наказать его. Лица. Чернота теперь не была просто темнотой, по краям больше не было мягкого света, она стала алой в центре, и этот центр все расширялся и расширялся.

— Господи...

— Все хорошо. Кто-то идет. — Кэт крепко держала его правую руку. Она гладила его по лицу и вытирала слезы, но он не чувствовал стыда или смущения, за болью он не чувствовал ничего.

— Давайте-ка с этим разберемся, — сказал на этот раз мужчина, нависший над его койкой.

— Держись.

Он не мог держаться, но вариантов у него не было. Он лежал, корчась от боли. Кэт протирала его лоб от пота влажным полотенцем. И злилась. Она тоже злилась. Почему все вокруг злились из-за него?

Все закрутилось, люди входили и выходили из палаты, люди наклонялись к нему.

— Вот так, Саймон... еще секунду.

И тут — бесконечно легкое освобождение от боли, и его тело расслабилось, его лоб посвежел, его рука как будто исчезла.

— Ну вот и все. Вам нужно было нажать на колокольчик, Саймон. Нужно было сказать...

— Нет, — услышал он, как сказала Кэт. Он узнал этот ее тон, хотя она очень редко к нему прибегала. — Нет, дело тут не в нем, дело тут во всех остальных. Суще-

ствуется режим приема препаратов, и если ему не следовать, то происходит такое. И у меня заняло слишком много времени, чтобы найти кого-нибудь, кто хоть что-то знает о нем и о его состоянии, и заставить их прийти, — и не говорите, пожалуйста, что у вас была смена дежурства.

— Это была смена дежурства. Я прошу прощения.

— Господи боже!

Мужчина. Он был молод, с бородой, и его глаза были полны беспокойства, сочувствия и гнева.

— Саймон, я доктор Ло. Тан. Мы с вами знакомы, но это первый раз, когда вы видите меня после пробуждения. Боль ушла?

Он будто бы лежал на пуховой перине. Он не чувствовал ничего, кроме мягкости и легкости. Он блаженно улыбнулся всем присутствующим в комнате.

Он понимал, что снова заснул, и потом плыл по воздуху, а в итоге и по воде, но стрелки часов на стене напротив его кровати медленно двигались назад, так что он полностью потерял чувство времени и даже дня и ночи. Было светло, потом темно, а он все плыл.

— Сейчас пятница, — сказал кто-то.

Он выплыл на поверхность.

Их было двое, и Кэт тоже была. Его приподняли на подушках, а по оконному стеклу стекали серебристые капли дождя.

— Пятница.

— Мы хотели бы поговорить с тобой о том, что мы планируем делать, если ты сейчас готов?

Он узнал молодого доктора, но не пожилого, почти лысого и с маленькими круглыми очками.

— Я доктор Флинт, Грэг Флинт. Я консультирующий ортопед-травматолог.

— Это что, ученый совет?

— В какой-то степени. На самом деле я рад, что доктор Дирбон здесь... конечно, если вы не против. Я постараюсь выражаться понятно, но она сможет переводить наш жаргон, если мне это не удастся, и вы сможете задать ей

вопросы. Я коротко ввел ее в курс дела, пока вы витали в мире грез.

— Теперь я здесь.

— И я прошу прощения за то, что вы остались одни с такими сильными болями, — этого не должно было случиться и больше не случится. Как у вас дела сейчас?

— Все онемело. Если вы имеете в виду руку.

— А все остальное?

— Нормально, вроде как. До этого у меня сильно болела голова.

— Это неудивительно — вы пережили очень сильный удар. Поразительно, как у вас не треснул череп.

Он нахмурился. Удар? Череп? Что? Он взглянул на Кэт.

— Все нормально, — сказала она. — Ты не помнишь. Это естественно. Все вернется. Или нет, но мозг у тебя не поврежден — снимки хорошие.

— Мне делали снимки? То, что случилось...

— Мы не волнуемся по поводу вашей головы и других ваших травм, они прекрасно заживают. Если бы не ваша рука, вы бы уже отсюда вышли.

Саймон почувствовал, как его сознание проясняется.

— Так... что же именно случилось с моей рукой?

— Если в двух словах, ее перемололо в измельчителе для мусора.

Мусора? Измельчителе для мусора? Но он кивнул.

— На данный момент мы сделали все возможное, но нужно подождать, чтобы понять, что именно еще можно спасти. Вы должны сделать повторный снимок, и когда мы на него посмотрим, все станет ясно — но пока раны слишком свежие. Мне очень хочется, чтобы я смог сохранить вам руку, Саймон, и, глядя на снимок, я вполне уверен, что мне это удастся, однако пока мы не положим вас на стол, нельзя сказать наверняка. Но иногда бывает, что все выглядит хорошо, а потом возникают проблемы. Хотя я этого не ожидаю. Я никогда не ожидаю проблем.

— Когда вы говорите «сохранить» мне руку...

— Да?

— Вы имеете в виду, что она будет как новая?

— Это от многого зависит. Я надеюсь, мы сможем восстановить 80 или даже 90 процентов функций — а дальше это вопрос времени и физиотерапии. Но вряд ли получится восстановить 100 процентов.

— Понятно.

— Физиотерапия крайне важна, и вы не должны пренебрегать упражнениями, никогда. Я сделаю все, что смогу, как и все остальные, но потом дело будет только за вами.

— Это меня не беспокоит. В отличие от мысли о потере руки.

— Не переживайте. Мы получим снимки, я посмотрю на них и только потом буду планировать. Им нужно будет снять бинты, но мы вас сразу усыпим, а потом вам сделают новую перевязку. Они все равно делали это каждый день.

Внезапно он вспомнил. Они дали ему столько болеутоляющего, что он ничего не чувствовал, а она сказала: «Не смотрите туда, мой вам совет. Поверните голову. Раны всегда начинают болеть, когда на них смотришь».

Он повернул голову. Но все онемело.

— Сколько ждать операции после получения снимка?

— Если все будет хорошо, то, наверное, мы проведем ее в понедельник утром. Мне нужно выделить окно. Такого рода хирургическое восстановление требует времени.

Это заняло семь часов, во всяком случае, так они сказали, но эти семь часов не значили ничего, он снова вернулся под воду, он плыл и блаженствовал. Его жизнь мирно протекала мимо.

Дверь открылась, и он увидел мужчину в черных штанах и бледно-голубой кофте. Темные волнистые волосы. Он вспомнил о своих светлых волосах и понял, что ему давно не приходилось убирать их с того места на лбу, куда они постоянно падали. Насколько давно? Это могли быть и годы.

— Где мои волосы? — спросил он у мужчины, у которого их было много.

— Их пришлось сбрить, чтобы обработать раны, полагаю. Не волнуйся, они отрастут. — Мужчина пододвинул стул к койке. Саймон знал его. Знал очень хорошо.

— Привет, — сказал он, чтобы дать самому себе немного времени.

— Кэт передает привет. Она рада, что все вроде неплохо, но ей нужно было сегодня заменить коллегу — видимо, больше никого не нашли. Она будет здесь завтра.

Значит, мужчина знает Кэт.

— Хотелось бы уже, чтобы мои чертовы мозги вернулись в тонус. Утомляет постоянно продираяться сквозь вату в голове.

— Это из-за препаратов.

Значит, об этом он тоже знал.

Тут запор отодвинулся, и ворота распахнулись.

— Шеф... — произнес Саймон. Он захотел сесть, но на всем его теле будто лежали свинцовые гири.

Кирон Блайт улыбнулся.

— Я, — сказал он. — Не волнуйся, это тоже препараты. Как ты себя чувствуешь?

— Странно. Слушай, они не особо много мне рассказали. Что случилось?

За следующие полчаса Кирон рассказал ему все. Серрэйлеру показалось, что он специально умолчал о некоторых деталях — по крайней мере, пока, — но общая картина того, что с ним случилось, была ясна, и пока его начальник говорил, что-то мерцало в его сознании, возникая на горизонте и снова исчезая. Он как будто помнил, но никак не мог вспомнить, и все же история казалась знакомой, она имела для него смысл.

— Я не особо много могу сказать тебе про травмы, но это уже сделали врачи.

— Не то чтобы.

— Они сказали — наверное, ты просто не все уловил, и это понятно. — Он откинулся на стуле и сложил руки на груди. В обычной одежде шеф выглядел моложе, но так всегда бывает. Золотые позументы добавляют веса, а с весом — и возраст. Он был всего на несколько лет старше Саймона.